

Ак

ТЕТРАДЬ

для Панченко Юлия

Дмитриевна

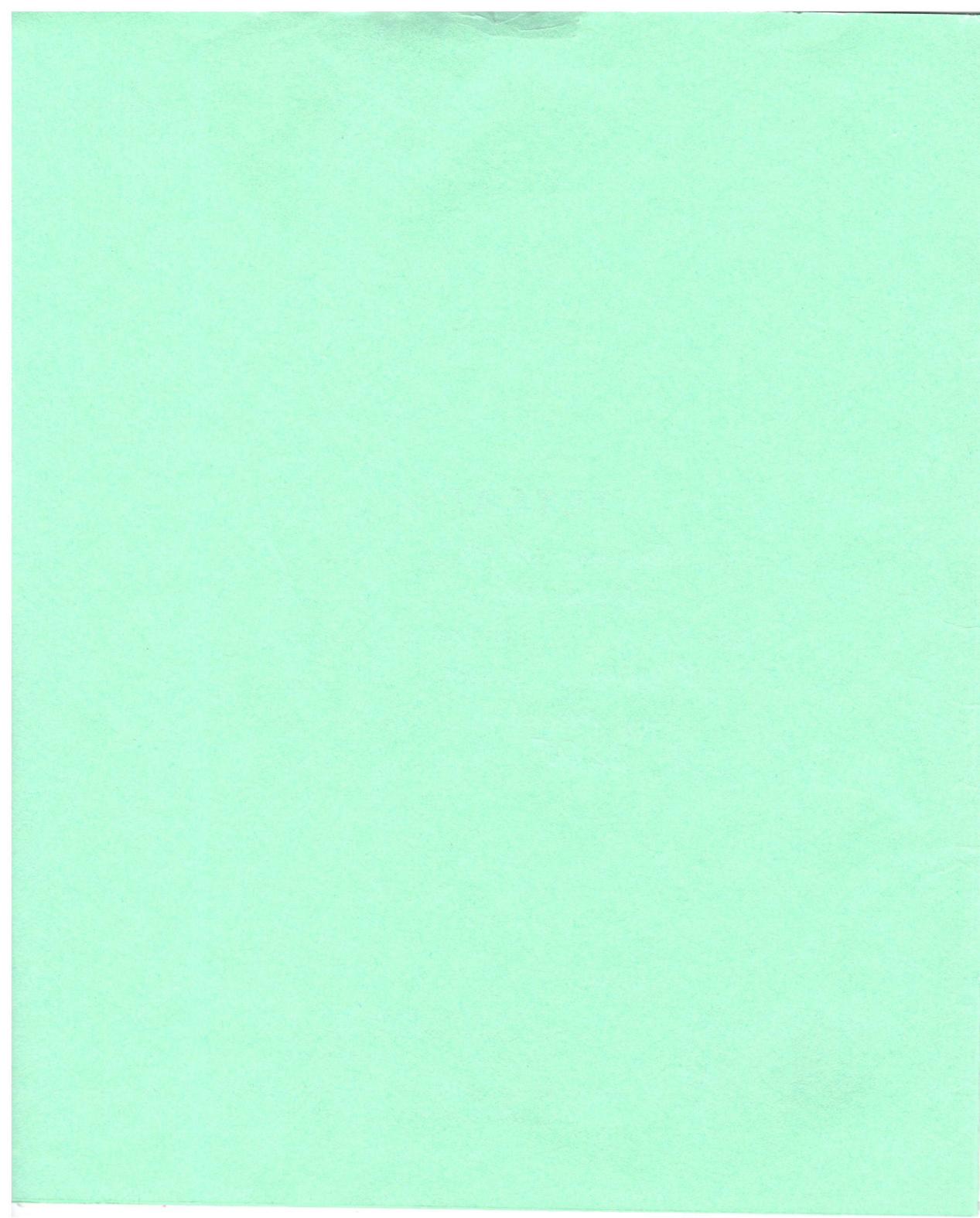
ученик _____ класса _____

9 класс школы _____

город Москва

№ 3205

51614

Челостной анализ прологического текста —
рассказа Андрея Степанова

63

"Руководство по наблюдению кустовых облаков".

Я люблю небо. Так, наверное, может сказать каждый,
но я люблю небо по-настоящему. Я действительно часто
запрокидывал голову и смотрю вверх. Просто так.

Наверное, я сих небо каждый раз как будто
впервые. Так видят мир дети, потому что у них
особыи, чистой взгляд. Но честное слово, могли с
такими взглядами оставаться все меньше. Но остаются
хе! И я счастлив быть среди них.

Раз оставшись, значит, должны быть замечки.
Ведь люди с чистым взглядом обычно принадлежат к
творческим профессиям. Тогда книги должны быть полны
описаний неба — свежего рассвеченного, покачивающего
закатного, страшного зорового, загадочного звездного,
простого голубого. Это так. Думаю, что не ошибусь,
если скажу, что описание небосвода есть поэзия
в любой хорошей книге. Просто не все обращают на
них особенное внимание, как и на другие описания.
Некоторые даже пропускают. А я описание неба
занимаю, заполняю и загружаю пары машин — ведь

Онне природное изучение
и исследование. История истории
и литература. Познание познания?
Слово объект.

Часто не бывает случайности. Так, к. с., например, можно, что моя любимая книга, "Три товарища", начинается с описание чистого утреннего неба. и заканчивается тоже описанием рассвета. Если заметить, сразу становится ясно, что эта роман так важна и не случайна.

Но сама книга увлеком о небе мало. До сегодняшнего дня я не встретила прозаических произведений, посвященных именно небу. С позней речи однажды написала пушкинскую стихию о небе много, ведь небо, как и море, один из центральных поэтических образов. Здесь можно вспомнить "Ограждение небо" Рождественского, "В светлом небе бесконечность" брюсова, множество других стихов - о небе, наверное, писали всегда. Но мне давно хотелось посвятить именно прошу.

Потому я очень обрадовалась, узнав рассказ с интересующими выражениями "руководство по наблюдению кучевых облаков". Наставление содержит в псевдоофициальном стиле. Наблюдение за облаками - это не изучение спиральной машинкой; разве к нему нужно руководство? Еще и слово "кучевые" прибавлено: это ведь не юзкапитони этикет ~~макет~~, а научное понятие ("кучевые", "неристые"...). Но настолющие наблюдатели облаков уже поменяли, называя "кучевые" - они самое

интересное, привносят разного фарма. Уже поняла, что же странное название "Руководство" скрываете кое-что большее. А именно — скажка.

Первый абзац читается отрывисто. Оглядываясь, художник пишет слова, если лежать на траве, падать в небо (не "падать художник", а "художник падает"). На это слово заявление каждого читателя откликается по-разному. Кто-то восхищенно скривится, кто-то скептически усомнится, кто-то согласно кивнет. Кого-то будет раздражать непринужденное "художнико", а кому-то понравится. Меня эта непринужденная смелость засторала и с этой, на первой странице, чудной, не по-хорошему динамичной, абсурдной мыслью я быстро соласилась. Тем более, она напомнила мне моего любимого героя, Хорнера Колоринга, который на вопрос, кем он хочет стать, отвекнул, что хочет ходить речами над пропастью во рту. Облака — земля, трава — рот, берег реки — пропасть... Всё очень ясно и просто, и очень похоже на правду.

На правду похожа также скажка, которая напоминает дальние. Я чирк её так и воспроизвела сразу — как скажку-правду. С правдой ее роднят ее искренность, а со скажкой — красота. В первое предложение вместо короткого "Бога" так и хочется написать

С.
Чайковский
Бог

затмение "хир да бхр". Появляется и главный герой — собор. Читатель быстро понимает, что первый аджак о смысле жизни имеет нейтральное отношение к собору: он, хоть и не человек, но находится в Граве, на берегу реки, и смотрит в небо.

А вот его хентые соседи — не такие. Антигерой замечает сразу (он же герой скажи, где есть гентые границы между хорошими и плохими). Собор на холме, смотрит в небо и, вообще, имеет прямое отношение к небу, так как связан с Богом (об их взаимоотношениях мол пока не знаем). Старинные постройки — "придемство", смотрят на собак и машинки, то есть, видя, на землю. А еще смотрят в прошлое, тогда как собор, с его будущим в облаках, обращен к настоящему и будущему. Собор и облака белые, а постройки, собаки и машинки неразрывно связаны с хентоями — это антигерой дополняет антигероя неба и земли, и два цвета — белый и хентой — становятся контекстуальными антонимами. Постройки сравниваются со стариками, причём, очень точно: за брохание на настоящее и будущее из прошлому. А собор, как мы видели из сопоставления с первым аджаком, тоже является хентой памятью человека. Вот как много удалось

автору участвовать в один раз! Он играет со словами, играет со словами ("слон и спирт смешались и спряталось") и занигрывает с читателем, приурочив его к внимательному чтению.

Затем начинается одна из самых красивых композиционных гасмей рассказа — парад облаков.

Литература знает много галерей портретов, и самая известная из них — в "Ревюре"), но эта бояла мне меньше самой прекрасной, наполненной удивительным светом и чистотой. А герой — это было всего три, и температура — самая. Но с какими героями я никогда не видывала, и больше всего не о нём самом, а о нашем соборе.

Сначала потоки теплого света звучат эти слова:

"добroe", "добродушному", "добреинее". Затем на грацах, усиление слова. Собор наш — добродой, и скажка — ~~заря~~ добре и светлая. За три секунды собор не может придумать ржанину, что ему нужно от худши. Ведь у него все есть, он сложит в облака на берегу реки, и знает, его существование имеет смысл, если берить первому прохожему рассказа...

Правда, ему не весело. Но ведь смысл худши не в веселье, не так ли? Собор умножается, говорит о стадиности, но ей-то ему и не хватает больше всего. Собор нестает

иметь друга, верного и постоянного, как и сам собор, ведь он верен. Эта мысль лежит в ~~основе~~ ~~каждому~~ читателю, но понять её в контексте всего рассказа мог пока не можем. Всё, на что способен читатель, — это сочувствовать собору. Но есть о беспокойстве вернётся позже.

Несмотря на отсутствие друзей, хижин, собора, кажется, роволен. Его пухкие вдохи — это не дрожание "классических старцев", и не страдание мученика. Собору живется легко, работают ^{свои} люди, и она несложно! Дополнение о "тхэквондистом голосе" звучит как извинение за такое несоответствие. Собор ~~задает~~ задает очень много вопросов — совсем как подобостной ребёнок. И никогда не говорит "нет" (!), ер��ивший раз — и то потом нравится. Он или соглашается, или молчит. И маленький друг с собором легко беседовать.

Не только речь собора, ^{но} ~~и~~ весь рассказ обладает какой-то удивительной легкостью. Мне, например, очень нравится упоминание о кока-коле и рок-концертах. Реалии рассказа — современные, и это не смущает стиль, а помогает читателю расслабиться и во време стремление быть самим собой. Самолёт — тоже герой

и современности. Заметки и спешащий совсем по-современному, но "каналбурит" он так здорово, что симпатия прощает ему спешку и короткий разговор с собором. И опять-таки отмечает, что собор принадлежит к современному самолету и облакам, живущим низ, ~~и~~ к рок-концертам, к редким (при раза - скажем чисто!) и многоэтапным чудесам природы. Хотя самому собору целых сто лет, он сохранил свежесть буйства и молодость румы (она у него явно есть). И имеет полное право относиться к "классическим старцам" с презрением и говорить с ними даже грубо. Грубость - тоже герба молодости.

Но вместе с грубыми отвращениями собора (правильными, но нехарактерными для него, такого доблого и мягкого) появляется в склоне искривленной тревоги. Он начинается, наверное, с подозрительного вопроса, трусливо ли летать (простое ли это ~~и~~ наивное любопытство?). Потом бессонница и грустные мысли, невыносимое одиночество. Неприятный разговор с желтыми постройками. И некоторое замутнение в отношениях с Богом, хотя и разрешается этот сквозь светло, почти возврашающее к прежней легкости (он же может, в этот раз - пасхальный). В этом эпизоде моя снова чувствуя родство собора с

человеком. Пасхальная - имень, купол-голова заполнен светом и воздухом ("венир в голове"), "светлая голова"), да и мысли и сознания у него совершились гелиевеские. Здесь неболено задумываться и сам читатель.

Напряженная задумчивость и некоторый страх же собора обретают характерную "то" в начале обзора, после которого всегда следует следующие композиционные гаски. Распущий тревога разрешается бледною собора и тихою бредом. *В* он снова как человек.

Сходство собора с человеком продолжает шутливо обнегреваться, "обкаламбуриваться" автором, что стихает эмоциональной пакад: "поднялась температура", "заныли старые трещины", "покимал краем купола".

Но видение собора при этом по-настоящему страшное. Многие губящиеся ему картины обнажают нехватку чего-то: безголовый актер, самолет с отрывавшимися хвостом, хвост без самолета (не сразу понимаешь, какой хвост имеется в виду). Наверное, так проявляется в сновидениях острота недосматривок в друзьях в худож.

Ред видений (как ред облаков в начале) завершают изгибающие ~~тесадки~~ туга. (В тексте просматриваются несколько редов, *и* многие - с градацией, с усилением, на разных уровнях: слов, предложений, обзора... Эти

река уже должна отмечена). ~~Была~~ Идея. Но первый
взгляд, возникает антигеда между белым собором
(с его белыми дружинами: облаками и самолетами) и
чёрной тучей и чёрными воронами. Это подтверждается
фразой "Небо превратилось в собственную неготь".
И, сроде бы, противопоставление белого и чёрного кура
логичнее, чем уже встретившееся выше противопоставление
белого и жёлтого. Но скорее всего, чёрный и белый
не антонимы, а нормы синонимы, составляют одну
единую, ^{половину} белый собор легко превращается в
чёрную тучу, а затем в серое облако. И тут повторяется
открытие собора зажигает, чтобы было видно, как они
носятся. И как по туче можно было ("касалось")
забраться на вершину неба, так и в соборе
можно было обрести ~~жизнь~~ связь с Богом... Не "касалось"
ли и это тоже? И не Бог ли показал собору же
сознание и верность в голове?

Мне думается, что нет. Это было бы слишком
просто. Если Бог и сделал что-то в этой складке,
то он показал собору... ВЕРНОСТЬ.

Верность собора, оказывается, не в том,
что он, огромный и белый, проспал сто лет
и проспал два, может быть, еще столько же, не будь

гроза. Верность — не в том. Собору и читателю постепенно открывается, что и облака, дне которых какими-то мигами посыпали, были и будут верными.

Превращается в шутку, собор остаётся собой. Еще раз превращение, преображающая облучка, он говорит: "я стану", "я удачу", "я проливья". Ведь так и происходит, а события подтверждают его слова, звучат, гута — действительно он. Пуск собор назван "жившим", и в расширении спрашивается: "Кто же я теперь?" — он остается собой, просто в другом обличье. И об этом свидетельствует, в том числе, сам характер его вопросов. Собор был и остался будничным и любопытным. Остаётся он идентичным и в виде яйца. В нём, правда, появляется что-то новое — зажигательность. Это ~~есть~~ своего рода стремление к жизни от автора. ~~Например~~ Эта часть от предующей отсылки новым в рассказе звучит — трещи юркостями. Не потому, что собор окончательно прекратил свое существование, а потому, что стало окончательно понятно — не прекратил. Просто характеризующее ~~яйца~~ предующую часть ^{данного} героя ~~яйца~~ прекратилось. Да и герой скорее у читателя, чем у героя. Такое блеклый

что собору еще во времена похара и разрушение откроется
та истина, что он Берен — с таким невидимым
спокойствием он будет о будущем, с таким искренним
любопытством — о настоящем. И гипотеза,
благодатной получит окончаниям ярдов, понимай,
что долже где : собор живет.

В новой части ~~этот~~ ^{иные} появляется. Время суеты,
место гнева и неудач, осуждение собора и читателя,
столкновение и речь героя. Слова наставления
те искренность, свет и лёгкость, которое в начале
осаровали и забыли воображением. Но новая
часть похожа на ~~этот~~ дух облечения, на уютку.
Рядом с главным героем (не будем называть его "собором")
появляется однако-ангел. Это, конечно, не тот ангел,
который был в первом параде одаков, но осуждение,
что ангел Берен, соглашается и сохраняется. И будущее,
очень многое возвращается к началу. Возвращаются
осуждение непринужденного языка между героями
и героями, автором и читателем. Возвращаются
авторские канапуро, теперь он по-новому называет
героя: "дышащий собор", "дышащий ангел", "дышащий
язык", "временное орео" ... Каждый один проходит
с улыбкой, и хотят поглядеть в неё что-то неувидимо-

- негативное, совсем не теплое. Вместе с эпитетом "бездействие" (тожий памят на первой айдау?) возвращается двоекратное "зодиумышки", и мы вспоминаем, что скажка - добро. На прохожение сплавае бывший собор, так никому не разу и не вооруживший (точно, остался собор!), отвергает блажен "ты так давай!", совсем по-маленьчишески. Вспоминаются "хэлтер старух" - они, наверное, скрепы и не стали однаками. Они знали только прошлое, а у собора было все - и прошлое (воспоминание), и настоящее (старуха), и будущее (способность предвидеть). Поэтому, оказывается, ~~никаких способностей~~ он и берег.

По этим мор собор продолжал изображаться неспособением "он". Наверное, утратив седе он должен носить спасение с другим одноком, бывшим ангелом? Нет. ~~Нет~~ ^{Хоче яко} уже не наставят его на одни и ранее употребленные имена, собор хив - хив в первом флагмане, в первом соборе, в первом добром уре.

Последняя часть поэмы довольно повторяет второй и третий айдауы. Собор уже другой - оправданный на берегу залива, и опущено описание "хэлтер старух"

они же буде орнаментом. А финал повторен словами.
Это самий неожиданий поворот сюжета и, певзру
тим, самий закономерний. Это то, чем эта прафа
отличается от скажки, ведь у скажки всегда бывает
конец, которого здесь нет. Это то, что подтверждает
любого читателя вернуться к началу и читать дальше —
а читать можно бесконечно, по кругу.

И, перешивая во второй раз начало, читатель
снова видит слово "руководство". Уже руководствуясь,
уже безоговорочно верит! И понимает, что первый
абзац, самой вакханки, — не мораль, не начало,
не изучение. Это простая истинка, которую, как
описание неба в книгах, кто-то заменяет, а
кто-то ~~забывает~~ — нет.

$K_1 - 25$
 $K_2 - 13$
 $K_3 - 10$
 $K_4 - 10$
 $K_5 - 5$
Всего 63

Анализ рассказа среды

Самостоятельно, спроектировано и
изготовлено. Использовано первое
созданное приставное
ремесленное и технологическое
устройство от сортирующей фабрики в
общине расположенной:

Ум.
Оль.

Н.В.Балух

А.Е.Анисимовской